

18+

Мария Петрушко

И НИЧЕГО, ВЫРОСЛИ

сборник
коротких историй
про детство,
которое никто
не пытался
улучшить

ВСЁ БУДЕТ
НОРМАЛЬНО

Мария Петрушко

И ничего, выросли

<https://litres.ru/74291154>

ISBN 9785007066693

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«И ничего, выросли» — это сборник историй о детстве в конце 80-х-начале 90-х годов в провинциальном городке.

Это короткие рассказы о детях, предоставленных самим себе; о глупых, смешных, а порой ужасных, но до боли реальных бытовых ситуациях.

«И ничего, выросли» — книга, после которой невозможно не вспомнить собственное детство. Даже если оно было совсем другим.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Дебилам тут не место	7
Детский сад, да и только	12
Про кровь и топор	16
Маленький косоглазый монстр	19
Открытие Америки	21
Что люди скажут?	24
Дети и политика	26
Долгая дорога домой	30
Горящие танки	34
Кошмары школьного туалета	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

И ничего, выросли

Мария Петрушко

© Мария Петрушко, 2026

ISBN 978-5-0070-6669-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Если вам покажется, что в этом сборнике слишком много треша, не буду спорить, так оно и было на самом деле. Я и не собиралась писать светлую добрую книгу «о самом счастли-
вом времени», которое принято вспоминать с придыханием. Но и жаловаться на тяжелое детство мне тоже не хотелось. У миллионов людей в позднем СССР оно было примерно таким же — смешным, диким, местами очень жестоким и при этом почему-то живым.

В моих историях нет выдуманных монстров, но лучше бы они были выдуманными. Многие жестокие и грубые вещи, которые тогда говорили и делали взрослые, считались нормальными, воспринимались как данность. Детей стыдили, пугали, унижали, не считали за разумных, иногда били, обсуждали при них чужие смерти, болезни и пьянство. Никто не видел в этом ничего особенного, говорили: «И мы так жили, и ничего, выросли», — передавая этой фразой следующему поколению, что эмоциональная холодность, насилие, равнодушие к чужому горю и собственному комфорту — это нормально, так и должно быть. Наверное, именно это сейчас выглядит страшнее всего.

Но ведь и правда, ничего, мы всё-таки выросли. Кто-то спился, кто-то сел в тюрьму, кто-то уехал с «малой родины» как можно дальше, кто-то стал очень хорошим человеком,

кто-то — так себе. Кто-то до сих пор вздрагивает от определенных слов, звуков и запахов, а кто-то давно убедил себя, что всё было нормально, как у всех.

И как ни странно, я вспоминаю то время не только с ужасом. Наверное, поэтому эти рассказы получились грустными, весёлыми, ужасными, тоскливыми, но не злыми. Это не учебник истории и не перечень детских обид, а просто попытка достать и получше рассмотреть то, что периодически до сих пор всплывает из тёмной глубины прошлого.

Дисклеймер: все персонажи и события в этой книге художественно переосмыслены. Любые совпадения с реальными людьми, судьбами и ситуациями случайны.

Дебилам тут не место

В нашем садике в хорошие дни на полдник давали булочку с шоколадным маслом или вафли «Артек», а в плохие — картонное на вкус печенье «Мария» или «ананасные» вафли с кислой начинкой. Плохих дней было больше.

— Вот я вырасту, меня возьмут в пионеры, отправят в «Артек», и я целыми днями только вкусные вафли есть буду, — размечталась вредная ябеда Олька.

— Тебя не возьмут в пионеры, ты вредная и визжишь противно, — ответила я, развешивая по краям стакана молочную пенку. Пенка выглядела мерзко, а кипячёное молоко было тёплым и тошнотворным даже на вид.

— Да, — поддержал меня друг Вовка. — А в «Артек» отправляют тех, кто подвиг сделал, а ты даже кузнечиков боишься.

— Ираида Николаевна, а вот чё Машка с Вовкой говорят, что меня в пионеры не возьмут? — тут же пронзительно пожаловалась Олька.

— Ябеда-корябеда, солёный огурец! — вынесла вердикт я.

— На полу валяется, никто его не ест! — продолжил Вовка. И мы захихикали.

Олька покраснела и заплакала, из носа у неё потекло молоко.

— Когда я ем, я глух и нем! Разговорились они! — рывкнула Ираида Николаевна. — Вы тут у меня сейчас все подавитесь до смерти, и никого в пионеры не возьмут. Ос-с-споди, ну и группа! Ещё и два дебила на мою шею.

«Дебилы» — это не про нас было сказано, конечно. Одно-го звали Алёша. Он был вялый, со слегка наклоненной набок головой. Мог говорить только своё имя на все лады. Когда видел компот, улыбался и восторженно лепетал:

— Айоша! Айоша! — брал обеими руками стакан, придвигал к себе, шумно втягивал глоток и снова бормотал: — Айоша!

А если посреди занятия под ним расплывалась лужа, и воспитательница за ухо его поднимала и вела в туалет мыться холодной водой в цинковом тазу, он тоненько горестно скулил:

— Айооооша...

Жаловаться маме на плохое обращение он не мог — слов не хватало. Поэтому воспитательницы обращались с ним резко, периодически отвешивая подзатыльники и шлепки, если он писался или что-то проливал. В остальное время на него не обращали внимания, и Алёша сидел на стульчике, смотрел в одну точку, приоткрыв рот, и постукивал друг о друга сжатыми кулачками.

Детям с ним был неинтересно. Только иногда мальчики со всей дури запускали большой железный грузовик в его сторону. Металлическая кабина врезалась Алёше в щиколотки,

он дергал ногами и жалобно вскрикивал:

— Айоша!

Мальчики смеялись и снова разгоняли грузовик.

— Мама, а почему Алёша дурак? — однажды спросила я.

— Он не дурак, он больной, — ответила мама, она торопилась, потому что и так задержалась на партсобрании на заводе, а дома дел было невпроворот.

— А когда он вылечится, он будет говорить и с нами играть?

— Он не вылечится, — ответила мама. — Ну что ты копаешься? Почему гамаши на левую сторону надела? За собой смотри, а не за другим.

Второй «дебил», Миша, умел говорить. Ребята его не любили, потому что он постоянно вредничал — хотел сидеть на определенном стуле, играть с определенными игрушками и рисовать только синим карандашом. Если ему не удавалось заполучить желаемое, он рыдал и бился головой о стену. Конечно, воспитатели заставляли нас ему уступать, чтобы он истерику не устраивал. Хотя в других случаях действовало правило — кто первый взял игрушку или карандаш, тот и пользуется.

Однажды в спальне сделали перестановку. Миша тогда лег на пол, где раньше стояла его кровать. Когда его попытались поднять, он завизжал, пополз в угол, там обкакался, засунул руки в колготки и размазал какашки по полу.

На прогулке Миша первым делом проходил по периметру

участка и трогал все деревья и столбики забора. Потом сажился на лавочку и лопаткой чертил на песке всякие узоры. В песочницу он не лез и в коллективных играх не участвовал.

— В саду для дебилов места нет, отдали его нам, а я с дебилами не училась работать, — сказала однажды Ираида Николаевна кому-то. — Дома его в жопу целуют, все позволяют, вот он и привык, что ему все можно.

А потом Мишу из нашего садика забрали. В тот день на полдник каждому почему-то дали половинку яблока и две слепленные между собой зефирки. Это было радостное и редкое событие.

— Целое! Хочу целое! — закричал Миша и швырнул половинку яблока в кукольный уголок. — Целое! Целое!

— Видишь, у всех по половинке! У всех одинаково! Что за наказание на мою голову! — зашипела Ираида Николаевна.

— Целое хочу! — Миша начал бить себя ладонями по голове.

— Вот тебе две половинки, как раз будет целое! — засуетилась Ираида Николаевна, не желавшая ни отмывать кашки, ни бороться с истерикой.

— Целое!!!! — Мишин крик пронесся по нашей группе и вырвался в коридор.

— Катя! Спроси на кухне, есть ещё целые яблоки? — командовала воспитательница нянечке.

Миша тем временем орал и раскачивался на стуле, отталкиваясь от стола. Стул упал назад, Мишин затылок звонко

встретился с паркетом.

Вбежала нянечка с яблоком. Но Миша уже не замечал, что его просьбу удовлетворили, он бился головой о пол, кричал, размахивал руками. Взрослые позвали медсестру, извивающегося Мишу унесли. Крик постепенно затих в глубинах коридора.

Вечером Ираида Николаевна в раздевалке с возмущением рассказывала чьим-то мамам:

— Воспитали дебила! Другие на него смотрят и думают, что им тоже так можно — покричал, и все тебе дали. Вот и пусть сейчас с ним дома сами нянчатся или в психушку ложат! А к нам нормальные дети ходить будут.

Мамы с сочувствием кивали. Конечно, им тоже хотелось, чтобы рядом с их нормальными детьми не было дебилов.

Детский сад, да и только

Воспитательницы у нас были нормальные, не злые. Кричали, но матом не ругались, наказывали не сильно — шлепали или ставили в угол. Правда во время сончасы в туалет не отпускали:

— А кто не будет спать, с того трусы снимем и по всем группам проведём, пусть ему стыдно будет! — объявляла Ольга Михална, пока мы забирались в кровати. Никому не хотелось ходить голым по садику, поэтому мы терпели и в туалет не просились. А кто не мог дотерпеть до подъема, после сончасы стирал трусы под упреки воспитательницы.

— Скоро в школу пойдёшь, в первый класс, а всё в постель прудишь! В армии над таким зассанцем все смеяться будут!

Зассанец переступал босыми ногами на кафельном полу, тер обмылком трусы и старался плакать тише, чтобы не было хуже. Мокрые трусы потом запихивали в пакет, прятали в шкафчик провинившегося, а вечером вручали родителям.

И если кто-то не хотел есть, того кормили с ложки, пока не стошнит, или угрожали вылить еду в карман, чтобы домой унёс. Но всё это было настолько привычно, что уже почти не страшно.

Скорее всего, воспитательницы считали нас склеротиками, глухими или дураками, которые ничего не запомнят, не услышат или не поймут, поэтому, не стесняясь нашего при-

сутствия, говорили на любые темы.

За Генкой изредка приходил очень сильно выпивший отец и с порога раздевалки орал на сына матом, отвешивая подзатыльники и делая «саечки». Генка краснел, уворачивался и, пытаясь не заплакать, суетливо застегивал сандалии. Воспитательница искательно хихикала, толкала нянечку локтем и говорила:

— Ишь, оскорбился, да он радоваться должен, что за ним папа пришёл.

А когда Генка с папой вышли за дверь, она сказала:

— С вахты опять приехал, говорят, машину купит, сына вот в ежовых рукавицах держит, жена у него по струнке ходит. Хороший мужик!

Хороший мужик однажды замёрз насмерть по пьянке, а Генку в 18 лет посадили за групповое изнасилование.

Красивой молодой маме Женьки-худого тоже кости мыли из всех сил за то, что развелась и снова вышла замуж, а при этом сохраняет хорошие отношения с бывшим мужем и ребёнку видется с отцом запросто разрешает.

— Ласковая телушка из двух сразу сосёт! Тут одного мужика себе найти не можешь, а эта с двумя крутит, и ребёнок все видит. Развелась — забудь, значит, и ребенка не давай!

Женька был восторге от того, что у него два папы. Он их называл Первый папа и Второй папа. А ещё у него было три бабушки и три дедушки. Потом Женька с мамой и Вторым папой переехали куда-то далеко на север, где никто не знал,

что его мама — телушка и сосёт из двух.

Светка жила с бабушкой в бараке с общей кухней. Иногда у Светки были вши, и её брили наголо. Когда нас фотографировали, Светке клали бантик на лысую голову. Однажды бабушка умерла. Светка рассказывала:

— Я проснулась, а бабушка — нет. Я её потрогала, а она холодная и молчит. Меня соседка в садик отвела, конфету дала, сказала, что кто-нибудь вечером меня заберёт.

Воспитатели, стоя над нами, переговаривались:

— Ребёнок с мёртвой бабкой в одной кровати спал, тут не только вши будут, а и глисты! А мать по мужикам шляется, девке скоро в школу, в интернат её сдаст.

Сдала бы её мать интернат или нет — неизвестно, а только вечером за Светкой никто не пришёл. И ещё несколько недель она оставалась в круглосуточной группе.

А у Наташки однажды при всех порвались трусы и упали на пол.

— Нарожали пятерых, обноски носят, объедки едят, — громко сказала воспитательница нянечке и выдала Наташке черные семейники, предназначенные для физзарядки и спортивных событий. Края трусов выглядывали из-под подола платья черной каймой, Наташка стеснялась и после полдника до прихода старшей сестры просидела в шкафчике в раздевалке.

Поскольку садик был для детей работников швейной фабрики, где мой папа работал директором, часто обсуждали,

сколько он берёт взятки, и почему тогда у мамы пятую зиму одни и те же пальто и шапка, а мы с братом одеты «хуже сирот» — в продукцию папиной фабрики, а не в красивые тряпки из «соцлагеря».

Когда Вовкиного дедушку зверски убили собутыльники, воспитательницы смаковали подробности прямо на веранде, куда загнали две группы на время дождя:

— Шнуром связали, молотком по пальцам били, утюгом раскалённым гладили, и глаза под конец выкололи, а денег на бутылку все равно не нашли. И толку-то что у него зять в милиции работает. Соседи говорят, что ничего не слышали, привыкли просто, что дед по выходным пьёт и орёт. Хорошо хоть бабка на дачу уехала, а то и её бы убили.

Вовка слушал это и всё быстрее и быстрее чертил палочкой крестики на деревянном полу. Потом вдруг громко заплакал.

— По дедушке скучаешь? — спросила воспитательница из другой группы.

— Да чё он там понимает, — недовольно сказала Ольга Михална. И прикрикнула на Вовку: — Иди вон в углу стой, рёва-корова, раз нормально себя вести не можешь!

Про кровь и топор

Однажды к нам в гости приехала мамина сестра с сыном, нашим двоюродным братом Димкой. Мама и тётя затеяли готовить всякое на ужин, а нас выперли на улицу, чтобы под ногами не путались и разговоры не слушали.

— А я без рук на велике могу ездить, — сказал мой брат и тут же продемонстрировал навыки на своем «Уральце».

— Я, наверное, тоже так могу, не пробовал ещё, — сказал Димка. Взял велик, сел и уехал, скрывшись за углом. За руль при этом он держался крепко.

Мы с братом побежали следом, посмотреть, как у него получается. Долго бежать не пришлось. Из-за угла донесся раскатистый рёв. Вскоре появился и источник звука. Димка шел пешком, держа перед собой ладони и с ужасом глядя на них. При этом он выл басом на одной унылой ноте.

— Упал, да? Сильно больно? — спросил брат.

— Не-э-э-э, не бо-о-ольно, — проревел Димка. Ладони у него были в крови и мелких камушках.

— А чего тогда?

— Мне руки топором отрубят щас!!! — представив эту перспективу, Димка залился слезами пуще прежнего. Брат за это время сбегал и привел брошенный в кустах велик.

— Кто отрубит? — спросила я, вспомнив, что у сарая лежат колун и обычный топор. Но папы нет дома, и рубить

некому.

— Врачи отрубят!

— Почему? — не поняли мы. — Они же, наоборот, пришивают всякое.

— Да вот же, грязь в кровь попала, теперь будет заражение крови, руки сгниют, и я умру. А чтобы не умер, надо скорее руки отрубить, — выпалив все это, Димка снова принялся плакать.

Мы с братом переглянулись. О такой ужасной перспективе мы никогда не думали, хотя падали локтями и коленями до крови не раз. Но, может, у Димки кровь другая, в неё быстрее микробы попадают.

— Иди скажи маме, пусть папе позвонит, он придет и отрубит, — поручил мне брат.

Я бросилась домой:

— Мама, звони папе скорее! — закричала я, вбежав в кухню. — Димке надо быстрее руки отрубить, чтобы не сгнили. Он с велика упал, в кровь грязь попала, руки гнить начали.

Мама с тётей резали в два ножа салат и так с ними и вышли на улицу. Димка уже не плакал, брат лил ему из лейки на ладони, крови и грязи не было, только ссадины.

— Что ты тут устроил, Дмитрий? — строго спросила тётя. — Ну-ка, дай посмотрю!

Димка поднял глаза на двух женщин с ножами, у него снова потекли слёзы, и он закричал на всю улицу:

— Не надо мне резать руки, мама, пожалуйста, уже всё

прошло! Уже нет заражения! Не режь мне руки, мама!

Было слышно, как домах поблизости зашевелились, прислушиваясь к крикам, большие уши соседей.

Димке залили ссадины перекисью и замотали бинтом. И уже через полчаса он вполне прилично умел ездить на велике без рук, хотя ему их и не отрубили.

Маленький косоглазый монстр

Однажды, когда мне было лет пять, мама нас с братом повезла «оздоравливаться» в детский санаторий. Правда, там, где он находился, добывали хризотилковый асбест. А асбестовая пыль с хризотилом, когда её вдыхаешь, ни разу не полезная, но в середине 80-х это не считали проблемой.

В санатории было несколько корпусов, сцена с небольшим бетонным амфитеатром, детские площадки с кособокими горками, лесенками, песочницами. С нами занимались специально обученные люди, и мы коллективно танцевали «Танец маленьких утят» или даже соревновались в надувании мыльных пузырей и беге в мешках наперегонки.

Там у меня появился приятель Сашка, пяти-шестилетний сын санитарки или поварихи. Он жил в домиках для персонала круглый год, со всеми приезжими общался запросто и чуть хамски, как хозяин с надоевшими гостями. Моему брату он не нравился. Брат называл его «косоглазый придурок» и убегал по своим делам, когда видел, что Сашка пришел звать меня гулять. Мама говорила, что у него «рахит» и «куда родители смотрят».

Сашка действительно был очень кривоногим и страшно косоглазым. Мне все время казалось, что он видит что-то или кого-то у меня за спиной. Ещё Сашка был сопливый и облизывал сопли языком. А что не мог облизать, вытирал

рукавом рубашки. Они блестяли, как клеёнчатые.

Не помню точно, о чем мы говорили и во что играли. По-моему, просто таскались по санаторию, и Сашка про каждое помещение рассказывал, что знал:

— Тут ссанные простыни лежат... тут иглы в жопу тыкают... тут током бьют... тут вечером сторож водку пьет... тут ебутся...

Внезапно мой сопливый гид остановился у песочницы, где валялись алюминиевые формочки, и сказал:

— Смотри, как я умею! — стянул шорты и оросил песок, стараясь попасть и на формочки тоже. — А ты так можешь?

Я помотала головой и поняла, что в этой песочнице больше играть не буду.

— Я тут весь песок обоссал! — похвастался Сашка. — Во всех песочницах! А иногда я там какашки оставляю, когда все спят! А хочешь, завтра в кастрюлю с компотом наплюем или нассым? Я знаю, куда её остывать ставят.

Тут появилась моя мама, сказала, что нам пора обедать и увела меня в столовую. От компота я отказалась. А когда брат взял свой стакан и отхлебнул, меня стошнило в тарелку из-под борща.

На следующий день мы вернулись домой.

Открытие Америки

У нас в садике была тётенька, которая неизвестно, чем занималась, но её использовали в качестве воспитателя для внезапной замены. Возможно, она была методисткой или каким-то административным работником. Дети знали её плохо, потому что видели раз или два в месяц.

И вот в очередной свой визит в нашу группу она повела нас на экскурсию на небольшой лысый пригорок, где, разводя руки в стороны, рассказывала про горизонт и про солнце, которое на востоке просыпается и на западе спать уходит.

Вечером дома я, водя пальцем по завитушкам на паласе и представляя, что это рельсы, рассказывала сразу всем и никому, чем мы занимались:

— А ещё нам Татьяна Христофоровна горизонт показывала и говорила, где восток и запад!

В этот момент папа, читавший газету «Правда», пробормотал:

— У неё отец, наверное, Америку открыл, неудивительно, что она в этом разбирается.

— Какую Америку? Которая с индейцами и неграми? Которая с ядерной бомбой? — потребовала подробностей я.

— Ну да, она же Христофоровна, а Христофор Колумб открыл Америку. Только это давно было, почти 500 лет назад, так что, если это и был её папа, он уже умер, — и мой

папа перелистнул страницу.

Больше всего меня поразила скромность и скрытность Татьяны Христофоровны. Если бы мой папа открыл Америку, я бы всем об этом рассказывала. И уж, конечно, я бы не работала в дурацком садике, а помогала папе дальше открывать разные страны.

На следующий день я рассказала своему другу Вовке секрет Татьяны Христофоровны.

— Ого! — воскликнул Вовка. — А давай скажем ей, чтобы её папа нам для всех в нашей группе жувачек прислал! Ну, или хотя бы нам с тобой. В Америке все жувачки жуют и пьют коричневую газировку.

День выдался дождливый, на прогулку нас вывели, но сидели мы на веранде, отмахивались от комаров, слушали, как по железной крыше стучит дождь.

Обычно в такую погоду нам постоянная воспитательница загадывала загадки, читала вслух или просила меня читать вслух, а сама уходила на соседнюю веранду поговорить с коллегой.

— Чем бы вас занять? — сказала вслух Татьяна Христофоровна, явно незнакомая с дождевым регламентом.

— А расскажите нам что-нибудь интересное, пожалуйста, — вежливо сказал Вовка и пихнул меня локтем. Я сразу поняла, что почва для главного вопроса подготовлена, и подхватила:

— Татьяна Христофоровна, расскажите, как ваш папа

Америку открыл? Вы с ним тоже плавали на корабле или он вас дома оставил с мамой? Мне папа сказал, что вы поэтому так много про горизонт знаете.

Татьяна Христофоровна резко встала и сказала:

— Что за глупые, неуместные шуточки! Ну-ка, сидите тут тихо и не вздумайте никуда уходить, — затем она вышла.

Вернулась она только через час и повела нас в группу обедать. Про Колумба мы больше не говорили.

Вечером, когда мама меня забирала, к ней подошла заведующая и сказала:

— Я знаю, что ваш муж — серьёзный человек, все-таки директор фабрики, и он не хотел ничего плохого, но Татьяне Христофоровне было очень неприятно.

И она вкратце обрисовала, что произошло. Мама помрачнела и сказала заведующей, что поговорит с мужем, серьёзным человеком.

Не знаю, о чём они говорили, но когда папа пришёл укрыть меня на ночь одеялом, сказал:

— Нет, у Татьяны Христофоровны папа не Христофор Колумб, а какой-то другой человек.

— Я знаю, — ответила я, — если бы её папа открыл Америку, она бы сейчас тоже жила в Америке.

Что люди скажут?

Моя мама дружила и присматривала за бывшей заведующей детского сада, куда мы с братом ходили. Ольга Ильинична передвигалась на костылях. Она жила в «полублагоустроенной квартире». Это означало, что в туалете стоял унитаз, а на кухне — раковина для посуды. Но мыться извольте в общественной бане или в тазике. Пока был жив муж Ольги Ильиничны, вопрос её мытья они как-то решали сами. А потом он умер, и раз в месяц кто-то из знакомых мыл Ольгу Ильиничну, предварительно расстелив клеёнку на полу кухни и награв воду в кастрюльке.

По праздникам — 7 ноября, Новый год, 8 марта и 1 мая — мама обязательно ходила к Ольге Ильиничне в гости и брала меня с собой. Каждый раз там обязательно ставили на стол торт «Птичье молоко» по перестроечному рецепту — из манки и с лимонной кислотой. А ещё были консервированные помидоры, которые муж Ольги Ильиничны незадолго до своей смерти накрутил в больших количествах.

— А давай я не пойду больше туда? — спрашивала я перед каждым визитом.

— Представь, что ты не можешь ходить, сидишь целыми днями одна, грязная, с больными ногами, а к тебе никто не приходит, хорошо бы тебе было? — давила на совесть мама.

— А можно хотя бы торт не есть? Он противный, как кис-

лая манная каша, — торговалась я.

— Ольга Ильинична специально для тебя его стряпает! Знаешь, как ей сложно на костылях делать торт? Представляешь, ты бы старалась, что-то готовила, а про это скажут — фу, противно!

В шесть лет мне не хватало аргументов отстоять своё право остаться дома, а не сидеть среди живых мумий и слушать, кто, как и когда умер.

В очередной наш визит Ольга Ильинична положила мне в тарелку несколько солёных помидоров. Я их никогда не любила, даже дома. Посмотрела на маму. Мама сделала жест бровями, означающий «ешь и молчи». Я молча втянула в себя эту аморфную соленую сущность, чтобы не страдать над ней весь вечер. Мне положили ещё. И ещё.

Ночью брат разбудил родителей, потому что проснулся от звука прорвавшейся трубы, с которым я блевала в дно его кровати со своего первого яруса. У меня была температура под 40, приезжала скорая, а потом родители обсуждали, что я как-то вдруг отравилась старыми помидорами.

Через пару недель случились какие-то поминки, и мы внепланово пришли к Ольге Ильиничне. Она от души положила мне солёных помидоров.

— Я не хочу, — сказала я, вспомнив, как мне было плохо.

— Не выдумывай! Ешь давай, — сказала мама, — а то Ольга Ильинична обидится.

Дети и политика

Нам в детском саду говорили, что самое главное — это мир, а самое страшное — это ядерная война, что все люди — братья, даже президент Рейган нам брат, а значит, ядерной войны не будет. Ещё говорили, что нужно жалеть всех, кто не живет в Советском союзе. Это не вина их, а беда, что они родились в другом месте.

Особенно мы должны были проникнуться сочувствием к неграм. Потому что все они голодные, бедные, их бьют и угнетают, они работают бесплатно и едят, дай бог, если раз в неделю.

И когда кто-то отказывался от еды, воспитательницы иногда грозились вылить ее в карман, а иногда включали манипуляцию:

— Вот ты не ешь сейчас, а где-то умирает от голода негритянский ребёнок!!!

Даже будучи дошкольницей, я чувствовала, что в этом утверждении что-то прихрамывает, но не могла объяснить, что именно. Но однажды я протянула Ольге Михалне кусок ненавидимого мною сыра и сказала:

— Давайте тогда отправим ребёнку посылку с едой.

Она почему-то страшно разозлилась и в наказание выгнала меня в раздевалку — подумать над своим поведением. Там я потихоньку поломала сыр на кусочки и выбросила их

за шкафчик.

Родители насчёт угнетаемых негров ничего внятного не говорили:

— Ну да, когда-то у негров были отдельные школы и места в автобусах, сейчас по-другому, иногда и получше нашего живут.

Как это — «получше нашего», я не понимала. Мне казалось, мы очень хорошо живём — книжек у нас много, у меня есть велосипед «Лёвушка» на широких шинах, у брата — «Уралец», ещё у нас есть футбольный мяч, хоккейные клюшки, гора настольных игр, конструкторы и даже железная дорога с паровозиком и тремя почти настоящими вагончиками из ГДР. Куда лучше-то?

И вот летом перед тем, как мне пойти в первый класс, мама повезла меня в Ленинград, показывать Петергоф и Эрмитаж. Она говорит, что мы там пробыли две недели. Я помню постоянный морозящий дождь, какие-то бесконечные очереди — то в музей, то в магазин; автобусы с резинкой посередине, и как меня постоянно в них тошнило, а мама подставляла пакетик. И конечно, я помню мумию. Всё, что я в семь лет запомнила из всего Эрмитажа, — это черная худая мумия.

А потом мы пришли в огромный магазин и стояли у прилавка с сувенирами. Мама выбирала кому-то гостинцы, а я просто скучала и разглядывала матрёшек, значки, календарики и прочую чепуху.

Вдруг мой взгляд упал на огромную чёрную руку, которая легла на прилавок неподалёку. Я провела взглядом вверх. Надо мной стоял очень высокий негр. Самый настоящий! Из Америки, где его угнетают! Я оглянулась на маму, видит ли она? Но она была занята. Я снова посмотрела на негра. Он был в красивом костюме, в блестящих ботинках, и очень сильно улыбался. Наверное, радовался, что оказался в Советском союзе, и теперь у него всё хорошо.

Тем временем негр показывал пальцем на матрёшек, на что-то там ещё и говорил с продавцом на ненашем языке. На настоящем ненашем языке!!! Ну вот, а говорят, их там угнетают, а как-то же он ненаш язык выучил, наверное, в окно школы заглядывал, когда маленький был, а потом за помойкой уроки делал. Вот молодец!

Тут негр достал из кармана пиджака толстую пачку денег и начал рассчитывать за покупку. Я изо всех сил смотрела на стопку 25-рублевых сизоватых купюр, и у меня внутри все предыдущие представления о внешней политике с треском порвались на мелкие клочки.

Я бросилась к маме и прошептала:

— Мама, смотри, у этого дяденьки-негра полный карман денег. Он же бедный, откуда тогда деньги?

Мама быстро взглянула, куда я показываю, вздохнула и сказала:

— Наверное, заработал или наследство получил. Пойдём, я хочу ещё люстру и сковородки посмотреть.

И мы снова пошли стоять за тем, чего у нас в городе в жизни не купишь.

Долгая дорога домой

Когда я пошла в первый класс, мама несколько дней провожала и встречала меня из школы, находящейся в 15—20 минутах ходьбы от дома. А потом у неё отгулы закончились, и у меня началась самостоятельная жизнь.

Шнурка с ключом не было. Ключ лежал под ковриком у входной двери. Считалось, что красть у нас нечего. Только книги, а воры вряд ли польстятся на Конан Дойла и Жюль Верна.

Но из 26 моих одноклассников больше половины ключи носили с собой и регулярно их теряли. Наша первая учительница считала, что ключ на шнурке — это очень опасно.

— Скажите родителям, чтобы заменили шнурок на резинку, — сказала Галина Ивановна. — В прошлом году один мальчик из соседней школы лазил по детской площадке, зацепился шнурком, задохнулся и умер. А другой мальчик на резинке ключ носил, когда зацепился, резинка просто натянулась, щелкнула, мальчику ключом выбило глаз, но зато он живой остался.

Я с ужасом рассказала об этих мальчиках брату. Он учился уже в пятом классе и только посмеялся:

— Учителя всё время про них рассказывают, если бы это была правда, уже тыща мальчиков были бы одноглазыми, а остальные на детских площадках висели.

Конечно, с полудня и до прихода родителей с работы мы в первом классе не таскались по улицам. У нас была нуднейшая продлёнка, которую скрашивала возможность во время прогулки пролезть в дыру под забором и сбегать в привокзальный магазин за эклером с белковым кремом. Это если было 22 копейки в кармане. Обычно мы скидывались втроем или вчетвером, а потом по очереди откусывали. Подельники тщательно следили, чтобы откусывающий не слишком увлекался.

Бегать на вокзал было запрещено. Галина Ивановна периодически рассказывала историю о других двух мальчиках, которые любили бегать по железнодорожным путям за пирожками. Однажды они не услышали гудка электровоза и заметили поезд, когда бежать было поздно. К тому же один мальчик застрял ногой в стрелке, его разрезало на куски, и он умер. А второй мальчик успел лечь между рельсов и только описался и обкакался.

Я снова проконсультировалась с братом и поняла, что бояться нечего.

После продлёнки предстоял путь домой. Мама почти каждый день ругалась и не понимала, как можно вместо 15 минут тащиться два часа.

— Это как нужно идти, чтобы прийти позже, чем я с работы? Это что нужно делать, чтобы репёв нацеплять до самой задницы? Почему в портфеле какие-то палки? А мешок со сменкой ты в луже топила?

Путь домой был интересным и каждый раз с разными приключениями. Однажды мы с одноклассником в канаве случайно увидели бутылку-чебурашку, подняли, сходили в киоск обменяли на песочное печенье. Дальше уже специально ходили по канавам в поисках бутылок, сдавали их и покупали, что попало. Домой я тогда пришла через четыре часа. Мама вытащила из мешка со сменкой пять пакетов лавровых листьев и очень ругалась.

Во время дождей на тротуарах образовывались глубокие лужи. Ливнёвок не было. Взрослые иногда лопатой отводили воду от тротуара, но чаще просто бросали половинки кирпичей и пробирались по ним. В лужах можно было пускать кораблики, бродить, создавая волны и представляя себя паромом, с размаху что-нибудь бросать, чтобы грязные брызги взлетали как можно выше.

А после первых заморозков невозможно было пройти мимо мелких подмороженных яблочек. Они росли вдоль дороги, были пыльными, но на вкус приятными, кисло-сладкими. Как яблочное повидло, но лучше. Мы залезали на каждое дерево по пути и обрывали яблочки, куда дотягивались.

— По деревьям ползают, как обезьяны, а ещё девочки, октябрюта, наверное, внучата Ильича! — прокомментировала проходящая мимо бабуся.

— А Ленин не запрещал на деревья лазить! — смело сказала я с верхотуры и сама испугалась своей дерзости.

— Вот я узнаю, кто у тебя мать, да расскажу ей, что ты

дрянь всякую ешь! Пусть она тебя на уколы отведет! И в школе у тебя расскажу, что ты хамишь взрослым! Пусть тебя из октябрят выгонят!

Пришлось спешно спрыгивать вниз, хватать ранцы и сменку и бежать прочь от этой опасной и нервной старушки.

Отдельным удовольствием (при наличии 10 копеек) было посещение краеведческого музея. В самой интересной комнате находились доисторические кости и метровый обломок бивня мамонта, найденный в 100 км от нашего городка. Над ним я простаивала подолгу, представляя, как раньше везде жили мамонты и динозавры, и как я однажды тоже найду настоящего мёртвого мамонта.

— Я не понимаю, — говорила мама, если узнавала, что я снова была в музее, — что интересного по два раза в неделю смотреть на старые кости? Лучше бы уроки делала, пишешь, как курица лапой! На собрании я чуть со стыда не сгорела, когда твою тетрадь показали! Ни одной прямой палочки! На обложке пятна, как от пирожков. Стыдобища!

К концу начальной школы я поняла, как здорово 2—3 часа побыть дома одной, и путь из школы начал занимать 15 минут, как у обычных взрослых людей.

Горящие танки

Серёга был в меня влюблен с пяти лет. Мы ходили в один садик и в одну школу. Во конце первого класса он пригласил меня в гости.

— Не бойся, дома никого нет, — сказал Серёга.

Я и не боялась, все равно у меня дома до шести вечера тоже никого не было. Но обычно я звонила маме на работу, когда приходила с продленки. Это означало, что я жива-здоровая и пока не спалила квартиру.

— Позвонишь от нас, скажешь, что дома, — сказал Серёга. Это был хороший вариант. В конце 80-х домашние телефоны в нашем городе были далеко не у всех.

Серёга жил на четвертом этаже. Мне, всю жизнь прожившей на первом, показалось, что это очень высоко. Я стояла на балконе и чувствовала альпинистом на вершине Эвереста.

— Пойдем, покажу тебе, как мы живём, — Серёга чувствовал себя хозяином и экскурсоводом.

— Давай тут постоим, я редко на балконе бываю, — ответила я.

— Тогда давай играть в войну!!! — Серёге очень хотелось меня развлечь и впечатлить. — Мы будем партизаны в засаде, а там фашисты, и мы их гранатами закидаем.

Мне не хотелось думать о фашистах и гранатах, но Серёга скрылся в квартире и вскоре вернулся, держа в руках эмали-

рованный ковшик с куриными яйцами.

— Вот гранаты, а вон там немецкие танки, — Серёга показал на машины, стоящие под окнами, — давай их взрывать.

Не знаю, как так получилось, но уже в следующее мгновение мы громко кричали «Ура!!!» и бросали яйца в машины. Почти весь десяток попал в цель.

— Нам медали дадут! — гордо сказал Серёга, намереваясь и ковшиком запустить по врагам.

И тут раздался звонок.

— Грабители! Пришли воровать квартиру! Пойду посмотрю! — Серёга на цыпочках побежал в прихожую, я пошла следом.

— Безобразие! Открывай дверь сейчас же! — донеслось из подъезда. — Все матери расскажу, как ты нам машину испоганил!

Грабители бы явно так не кричали. Они тихо воруют. За дверью не унимались:

— Додумался — по машинам яйцами кидать! Только открой, я тебе уши оборву!

Серёга машинально потрогал ухо и поманил меня обратно в комнату.

— Это фашисты! Увидели, что их танки взорвались, и пришли ругаться!

— А как я домой тогда пойду? — растерялась я.

— Может, они уйдут танки чинить. Или Витька, брат мой, придет из гэлэтэу и нас спасет.

Через полчаса пришел Витька. Судя по всему, фашисты не уехали чинить танки и нажаловались ему на партизан. Витька навешал Серёге подзатыльников, а потом они вместе проводили меня домой. Больше я к Серёге в засаду не ходила.

Кошмары школьного туалета

У нас в начальной школе в конце 80-х был очень прогрессивный туалет — одновременно для мальчиков и девочек. К счастью, у всех трёх кабинок были двери, хоть и без задвижек или крючков.

Например, в здании «большой» школы, с 5 по 11 класс, туалеты были отдельные, но в каждом стояло в ряд четыре унитаза без намёка на какую-либо приватность. Да тогда и слово-то такое никто у нас не употреблял — «прива-а-а-атность». Это что-то на заграничном и капиталистическом.

Чаще мы слышали от взрослых — «да что у тебя там смотреть-то», «да кому до тебя дело есть?», «не выдумывай, никто на тебя не смотрит», «там у всех все одинаково». Уровень туалетного дискомфорта был почти такой же, как когда на рынке шмотки примеряешь, стоя босиком на картонке на виду у всех.

В туалете начальной школы всё было относительно хорошо. Никого не смущали белые горы хлорки около каждого унитаза, мерзковатый запах и подтекающие краны, рассчитанные только на холодную воду. Всё это не считалось ужасом, особенно, если учесть, что три четверти учеников жили в частных домах или бараках без водопровода и канализации.

Основным кошмаром школьного туалета, когда я училась

во втором классе, стала уборщица. Она была родственницей кого-то из педагогов. Наше с ней знакомство началось с того, что она распахнула дверцу кабинки, когда я была внутри. Она пристально смотрела, постукивая лентяйкой и что-то мыча через нос, пока я в ужасе поспешно заканчивала свои дела и натягивала колготки. Потом я аккуратно протиснулась мимо и побежала в класс. Никому ничего не сказала. Жаловаться на взрослых было не принято. К тому же вдруг это я что-то не так поняла, а уборщица всё сделала правильно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.